

Дмитриев М.Э.
Лаудация Яноша Корнаи

Уважаемые участники церемонии,

Для меня сегодняшнее событие, - может быть, самое протяженное путешествие по шкале экономического времени, которую припомню за всю историю «Леонтьевских премий». Постараюсь коротко объяснить почему.

В жизни каждого из нас бывают события, когда появляется книга, после прочтения, которой все остальные прочитанные книги воспринимаются уже совсем иначе. Когда я был студентом-первокурсником и учился в Ленинградском финансово-экономическом институте (бывшее здание Государственного банка царской России) мне попала книга, которая называлась «Критика теории Маркса» Ойгена фон Бём-Баверка, изданная в конце XIX века со штампом библиотеки для служащих Государственного банка Российской империи. Почему-то она не была в специальном хранилище, студентам выдавали ее на дом. Когда я оказался на пятом курсе аналогичный эффект на меня произвела книга, которая называлась «Экономика дефицита» Яноша Корнаи. Я ее читал тоже здесь неподалеку на Невском проспекте, в Государственной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Тогда в эту же библиотеку ходили очень многие из тогда еще совсем молодых людей, которые в дальнейшем, составили ядро маленькой группы российских экономистов, оказавшихся в 1990-м году и в 2000 году у истоков двух крупнейших волн рыночных реформ в российской истории. Этих людей в какой-то момент, в начале 80-х, вместе свела «Экономика дефицита» Я. Корнаи. И первые наши дискуссии, в клубе молодых ученых Инженерно-экономического института под председательством Анатолия Чубайса в основном проходили под влиянием концепции Корнаи, которая заставила по-новому взглянуть на проблемы социалистической экономики. После этого были стажировки Сергея Васильева и Гайдара в Югославии, Чубайса — в Венгрии, много других интересных книг и дискуссий, но именно книга Корнаи сплотила нас вместе, а потом и позволила этой группе людей совершить или инициировать те изменения в Российской экономике, которые мы сегодня наблюдаем как результат двух десятилетий рыночного развития. Но если бы влияние Корнаи на нашу действительность сводилось только к этому, то я бы сказал, что премию ему надо было дать уже давно - в числе самых первых лауреатов.. Но есть еще один

аспект того, как Янош Корнай повлиял на всех нас. Если мы посмотрим на весь перечень российских экономистов, которые уже стали лауреатами Леонтьевской медали, то я могу сказать, что практически ни один из них так и не стал экономистом в стиле современной западной экономики, которая не может делать выводы и формулировать предложения по политике без формальных количественных экономико-математических моделей. На самом деле, у Яноша Корнай есть и работы, в том числе посвященные проблемам макроэкономического неравновесия, которые основаны на формальных количественных моделях, вполне в стиле традиционной западной экономики. Но «Экономика дефицита» - другая.. Главное, что сумел привить Янош Корнай нашему поколению, и в этом стиле работали большинство самых ярких экономистов, включая Егора Гайдара, — это отучить от марксистской привычки, пытаться подгонять новые факты под старую парадигму. Книга Корнай научила всех нас действовать принципиально иначе: прежде всего искать для старых и новых фактов новую логическую интерпретацию и новую парадигму. И не важно, количественными, формальными или в основном вербально-дескриптивными методами Вы это делаете. Главное – чтобы в новой интерпретации факты приобретали принципиально иной смысл, позволяющий лучше понять экономическую реальность и сформулировать практически значимые выводы. Именно этот подход и составляет ядро тех достижений, которыми известны люди ставшие лауреатами Леонтьевской премии из числа ведущих экономистов. И за это низкий поклон Яношу Корнай. Как говорят: «Хорошее вино в бутылках не стареет», чем позднее мы даем премию Яношу, тем более очевиден его огромный интеллектуальный вклад и влияние на российскую школу экономистов, участвующих в разработке экономической политики.

Теперь несколько слов о Гемане Грефе. Мне кажется, Грефу дали премию как нельзя кстати. Исполнилось 10 лет с момента начала реформ, которые теперь напрочь ассоциируются с фамилией Грефа – реформы 2000 года. Тогда была разработана Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года. Несколько недель назад в Москве в Академии народного хозяйства мы представили экспертную оценку результатов ее реализации. С формальной точки зрения результаты, надо сказать, не очень впечатляют. По нашим оценкам, реализовано порядка 40% тех мер, которые числились в этой стратегии. Но благодаря тому, что прошло 10 лет реальной экономической истории развития страны, мы можем сказать, что влияние Грефа и той стратегии, которая навсегда связана с его

именем, определяются совсем другими обстоятельствами. Дело в том, что именно в течение этих 10 лет, - и мы теперь это еще более отчетливо понимаем на фоне острого экономического кризиса, - происходил самый быстрый рост ВВП на душу населения за всю историю России (и царской, и советской, и постсоветской, и даже феодальной домонгольской). Этот рост происходил после достаточно радикальной волны экономических реформ, многие из которых удалось осуществить, благодаря энергии, видению и умению сплачивать людей, которыми отличался и отличается до сих пор Герман Греф. Многие говорят, что ему повезло, поскольку это был период быстрого роста нефтяных цен. Конечно, это правда. Но высокие цены на нефть наблюдались неоднократно и до этого, но ни разу в прошлом они не приводили к таким высоким темпам роста! А если мы отойдем немного назад в нашу экономическую историю, то мы обнаружим, что в XX веке вообще не было ни одного случая, когда после радикальных реформ страна могла развиваться самыми быстрыми темпами за всю предшествующую историю на протяжении целого десятилетия. И ближайший аналог, который мы можем найти, - это реформы конца XIX-го столетия, проведенные Сергеем Витте при Александре III, когда Россия тоже испытала десятилетие самых высоких темпов роста за всю предыдущую историю. Единственное может быть отличие Германа Грефа от Сергея Витте в том, что славу Сергея Витте Греф делит напополам с Алексеем Кудриным, который, впрочем уже стал лауреатом Леонтьевской премии.

Еще несколько слов о Ярославе Кузьминове. Здесь мы уже говорим не только о настоящем, но и о некотором будущем. В данном случае это — то будущее, которое состоялось уже сегодня. До середины 1990-х годов социальная политика в России была некоей монополией левых антирыночников. Было широко известно высказывание одного из либералов нашего круга: «При слове «социальная политика» моя рука тянется к пистолету». Либералы-рыночники не понимали своей роли в этом вопросе. У них не было решений, укладывающихся в логику рыночной экономики, для того, что делать в образовании, здравоохранении и социальной защите. Ярослав Кузьминов оказался одним из людей, которые не просто смогли сформулировать новую рыночную повестку социальных реформ, но и начали ее реализовывать как в целом для страны, так и для конкретного учебного заведения, которое он создавал на протяжении последних пятнадцати лет. Мы оценивали результаты реформ в разных сферах. И могу сказать без всякого преувеличения и с достаточной объективностью, что

реализация реформы образования, - при всей проблемности и сложности этого процесса,- намного опережает прогресс реформ в сфере рынка труда, социальной защиты и здравоохранения. Во многом это заслуга Кузьмина и его команды, которая по-прежнему влияет на этот процесс.

Но эта заслуга выражается не только в том, что они повлияли на конкретную сферу реформ и помогли изменить взгляды экономистов на роль социальной политики в рыночной экономике.

У Кузьмина есть еще одна заслуга. Высшая школа экономики на сегодня – это не просто лучший университет страны, где в массовом порядке готовят экономистов с современным уровнем образования. Если бы сегодня не было Высшей школы экономики, думаю, что в целом система экономического образования России была бы совсем другой. Она бы была намного хуже, слабее и только в Высшей школе экономики на уровне бакалавриата сегодня готовят по-настоящему современных молодых экономистов, способных возглавить следующее поколение реформ, - какими бы они ни были в ближайшие полтора-два десятилетия. Вклад Кузьмина – это не только реализация реформ в прошлом, но и создание целого поколения студентов, которые в будущем смогут продолжать реформы. Я это вижу на примере тех выпускников Высшей школы экономики, которые работают у нас в Центре стратегических разработок. Это лучшие молодые сотрудники, которых мы имеем и вряд ли где-то еще, кроме Высшей школы и Российской экономической школы мы могли бы найти таких людей для своей организации.

Ну, и наконец, Наталья Зубаревич. Если Яношу Корнаи можно было давать премию и пять, и десять лет тому назад, Грефу — сегодня, то Наталье Зубаревич можно было давать и сегодня, а думаю, что можно было бы с не меньшим основанием дать и через пять-семь лет. И не потому, что ее достижения недостаточны, а потому, что в этом специфика ее вклада в экономическую теорию и в экономическую политику. Если в 1990-е годы terra incognita для экономистов-рыночников была социальная сфера, то в 2000-е годы в такой же ситуации была сфера региональной политики. До недавнего времени эта сфера оставалась прерогативой евросоциалистов, взгляд которых сводился к одному – как централизовать максимум бюджетного «пирога» на центральном уровне и как эти деньги раздать экономически неэффективным территориям. Вот, собственно и вся региональная политика в ее классическом контексте, с которым имели дело российские экономисты до недавнего времени. А Наталья Зубаревич все эти годы

была одним из немногих экспертов-регионалистов, которые почти как глас вопиющего в пустыне пытались объяснить, что, на самом деле взять и поделить – это далеко не единственная проблема и не единственно возможное решение. - . 10 лет казалось, что пытаюсь привлечь внимание к гораздо более значимым, чем бюджетное перераспределение, пространственным аспектам развития рыночной экономики, она как одинокий рыцарь борется с ветряными мельницами без особого результата. Но, буквально в этом году случилось событие, которое показало, что в России благодаря таким людям как Наталья и в сфере региональной политики оказалась настолько глубоко пропахана интеллектуальная почва, что хватило одного семечка, одной капли, попавшей извне, чтобы кардинально изменить весь ландшафт пространственной политики. В начале прошлого года появился доклад о мировом развитии Всемирно-экономического банка, посвященный проблемам новой экономической географии и пространственного развития в мире. Из этого доклада следовало, что Россия, с ее огромной территорией и гигантскими нерыночными искажениями в пространственном развитии, является страной, где пространственные факторы приобрели наибольшую роль по сравнению со всеми другими странами мира для успеха или неудачи дальнейшего развития экономики. Этот вывод следовал из того, что ключевую роль при переходе к постиндустриальной стадии развития играет не преодоление отсталости слаборазвитых территорий, а успешное развитие крупнейших городских конгломераций. А именно таких агломераций с высокой плотностью экономической деятельности, сегодня как раз России больше всего и недостает в силу нерыночного характера предыдущей истории. Об этом давно уже говорила Наталья Зубаревич. Но до недавнего времени никто из политиков этого слушать не хотел. А вот только что Греф рассказал интересную историю: что один из ключевых людей в Российском правительстве - Сергей Собянин прочел ночами от корки до корки весь толстенный доклад Всемирного банка, периодически позванивая Грефу и рассказывая о том, какие полезные примеры и идеи он обнаружил этом документе. Внезапно новая пространственная политика, которую так упорно все эти годы продвигала Наталья Зубаревич, становится частью новой экономической парадигмы как реакции экспертов и политиков на кризис российской экономики и на необходимость поиска новых решений для постиндустриального модернизационного развития страны. Развития, которое должно вывести Россию в число развитых стран. В рабочих проектах, готовящихся на экспертном уровне, пространственная политика – впервые в

истории подобного рода документов – открывает список приоритетов новой повестки реформ. И хотя до появления практических результатов новой рыночной пространственной политики пройдет еще немало времени, - можно сказать, что интеллектуальный прорыв в этой сфере уже состоялся. Во многом он стал возможен благодаря самоотверженным усилиям Натальи Зубаревич.

Таков у нас сегодня разброс исторических событий: от весьма далекого прошлого 1970-х годов до некоего достаточно глубокого будущего, - не ближайших пары лет, а скорее ближайших полутора десятилетий, в перспективы которых некоторые из лауреатов уже успели внести свой немалый вклад.

Поздравляю их всех, считаю, что их вклад действительно заслуживает высокой оценки и признания.

Спасибо.